

I

Благодарный народ

20 августа 1672 года город Гаага, столица Семи Соединенных провинций, такой оживленный, светлый и кокетливый, будто в нем что ни день — праздник, город с его тенистым парком, с высокими деревьями, склоненными над готическими зданиями, с широкими каналами, в чьем зеркале отражаются колокольни почти экзотического стиля, был до отказа запружен народом. Все улицы, будто вены, раздувшиеся от пролива крови, заполнили пестрые людские потоки — горожане, кто с ножом за поясом, кто с мушкетом на плече, а кто и просто с дубиной, задыхающиеся, возбужденные, — стекались к тюрьме Буйтенхофа, страшному строению, зарешеченные окна которого и поныне являются собою примечательное зрелище. В ее стенах томился брат бывшего великого пенсионера Голландии, Корнелис де Витт, взятый под стражу за покушение на убийство по доносу врача-хирурга Тикелара.

Если бы история той эпохи и особенно того года, с середины коего начинается рассказ, не была неразрывно связана с только что упомянутыми братьями де Витт, то несколько следующих пояснительных строчек могли бы показаться необязательными. Однако здесь надобно заранее предупредить читателя, нашего старого друга, которому мы всегда с первой же страницы обещаем доставить удовольствие, а на последующих страницах худо-бедно держим слово, итак, мы предупреждаем читателя, что такое отступление так же необходимо для ясности нашей маленькой истории, как и для понимания больших политических событий, ее обрамляющих.

Корнелису де Витту, бывшему бургомистру своего родного города Дордрехта, главному инспектору плотин страны и депутату генеральных штатов Нидерландов, было сорок девять лет, когда республиканское правление, как его понимал великий пенсионер Ян де Витт, наскучило голландцам, вследствие чего народ воспыпал страстной любовью к власти штатгальтеров, навсегда упраздненной в Голландии эдиктом того же Яна де Витта.

Поскольку общественное мнение в капризной смене своих пристрастий чаще всего останавливает выбор не на идее, а на личности, ее олицетворяющей, народ связывал республику с братьями де Витт, своей

суровой непреклонностью более похожими на древних римлян — убежденных сторонников свободы без разнуданности и благосостояния без излишеств. И институт штатгальтерства в народном представлении являл собой строгое, задумчиво склоненное чело молодого Вильгельма Оранского, которого современники называли Молчаливым.

Оба брата де Витт проявляли сугубую осмотрительность в отношениях с Людовиком XIV, видя его растущий авторитет в глазах всей Европы и убедившись в его могуществе на примере Голландии, когда блестящим успехом закончилась его Рейнская кампания (в которой так прославился граф де Гиш), за три месяца сокрушившая мощь Соединенных провинций.

Людовик XIV издавна не жаловал голландцев, оскорблявших его и всласть насмехавшихся над ним, правда, почти всегда устами находившихся в Голландии французских эмигрантов. Национальная гордость сделала из него современного Митридата, угрожающего их республике. Таким образом, против братьев де Витт сложилось двойное предубеждение: их невзлюбили за упорство, с каким их власть противилась устремлениям всей нации, да к этому еще прибавилась досада побежденного народа, который надеется, что новый вождь спасет его от разорения и позора.

Этим другим, готовым выступить на авансцену истории и померяться силами с Людовиком XIV, и был Вильгельм, принц Оранский, сын Вильгельма II, через Генриетту Стюарт внук Карла I Английского. Это тот самый молчаливый юноша, чья тень, как мы уже говорили, маячила за идеей штатгальтерства.

В 1672 году ему исполнилось 22 года. Его наставником был Ян де Витт, поставивший целью сделать из бывшего принца достойного гражданина. Движимый любовью к отечеству, оказавшейся сильнее привязанности к воспитаннику, он лишил его надежды на получение власти своим бессрочным эдиктом об упразднении штатгальтерства. Но Бог смеется над смертными, которые то учреждают, то ниспровержают земную власть, не спросившись у власти небесной: ужас, внушаемый Людовиком XIV, привел голландцев к тому, что они отказались от политики великого пенсионерия, отменили бессрочный эдикт, а штатгальтерство досталось Вильгельму Оранскому, на чей счету у Провидения имелись свои виды, скрытые до поры в таинственных глубинах грядущего.

Великий пенсионер склонился перед волей сограждан, а Корнелис де Витт, более строптивый, отказался поставить свою подпись под документом о восстановлении штатгальтерства, невзирая на то, что оранжистские толпы осадили его дом в Дордрехте, грозя кровавой расправой. Жена в слезах умоляла его уступить, и он в конце концов

подписал злополучный акт, добавив, однако, перед своим именем две буквы: V. C. (*vi coactus*) — «вынужденный силой».

Итак, в тот день он чудом спасся от своих врагов.

Что до Яна де Витта, его быстрая и легкая уступка соотечественникам особой пользы ему не принесла. Через несколько дней он стал жертвой покушения, получил несколько ударов ножом, но раны оказались не смертельными.

Такой исход в планы оранжистов не входил. Оба брата оставались помехой их замыслам, а потому они изменили тактику, рассчитывая в подходящий момент снова возвратиться к первоначальным намерениям. Пока же они пытались клеветой уничтожить врага, которого не смогли сразить при помощи кинжала.

Когда возникает необходимость в выполнении грандиозного дела, у Господа зачастую нет под рукой великого человека, способного его совершить. Если же такое совпадение все-таки происходит, история тотчас запечатлевает имя такого избранника, дабы им восхищались грядущие поколения.

Но когда в людские дела вмешивается дьявол, задумавший разрушить жизнь человека или целую империю, ему обычно тотчас подворачивается какой-нибудь прохвост, которому достаточно шепнуть словечко на ухо, а он уж не преминет взяться за работу.

Таким негодяем, в данных обстоятельствах как нельзя лучше сыгравшим роль приспешника сатаны, оказался некто Тикелар, по роду занятий хирург, о нем уже упоминали.

Он заявил, что Корнелис де Витт, приведенный в отчаяние отменой бессрочного эдикта, о чем свидетельствует и приписка к его подписи в акте, воспыпал к Вильгельму Оранскому такой ненавистью, что приказал убийце освободить республику от нового штатгальтера, а этим убийцей является якобы он, Тикелар. Терзаемый угрызениями совести при одной мысли о порученном злодействе, он предпочел не совершать этого преступления, а разоблачить его.

Теперь посудите сами, какое негодование охватило оранжистов при известии о подобном заговоре. По распоряжению прокурора 16 августа 1672 года Корнелис был схвачен в своем собственном доме, препровожден в Бюйтэнхоф и, как самый низкий из преступников, подвергнут пытке с целью вырвать у него признание в покушении на Вильгельма.

Но Корнелис, человек великого ума, был наделен также и редкой силой духа. Происходя из семьи мучеников за веру, он в своих политических убеждениях был так же неколебим, как его предки — в религиозных. Как те улыбались под пыткой, так и он во время издевательств над ним твердым голосом, подчеркивая ритмический строй

стихов, декламировал первую строфи Горациева «*Justum et tenacem*»: «Кто прав и твердо к цели идет». Он ни в чем не признался, истощив своим упорством не только силы палачей, но и их фанатическое рвение.

Тем не менее судьи не стали предъявлять клеветнику Тикелару никаких обвинений, а Корнелису вынесли приговор, согласно которому он лишался всех своих титулов и должностей и навсегда изгонялся из пределов республики.

Арест и приговор, что обрушились не только на ни в чем не повинного человека, но и на великого гражданина, кажется, могли бы утолить злобу народа, об интересах которого Корнелис де Витт непрестанно заботился. Однако, как мы вскоре увидим, этого оказалось мало.

Голландцы своей неблагодарностью превзошли даже афинян, по этой части прославившихся в веках. Те удовлетворились изгнанием Аристида...

Ян де Витт, услышав об осуждении брата, тотчас сложил с себя полномочия великого пенсионера. Он тоже был куда как достойно вознагражден за преданность своей стране. Он не уносил с собой ничего, кроме ран, усталости и обид — единственной прибыли, какую обычно стяжают себе честные люди, виновные в том, что, трудясь на благо родины, забывали о своем собственном.

Вильгельм Оранский тем временем ждал и по мере возможности не забывал поторапливать момент, когда народ, кумиром которого он тогда являлся, смастерит для него из тел братьев де Витт две ступеньки, по которым он взойдет на трон штатгальтера.

И вот 20 августа 1672 года, о чем уже говорилось в начале этой главы, все население города сбежалось к Бюйтэнхофу, чтобы поглязеть на Корнелиса де Витта, из тюрьмы отправлявшегося в изгнание, да заодно проверить, какие следы оставила пытка на благородном теле этого человека, так хорошо декламировавшего Горация.

Мы же не замедлим прибавить, что в толпе, скопившейся перед тюрьмой, теснились не только те, кого привело сюда невинное желание присутствовать на спектакле. В ряды зевак затесалось много таких, кто и сам рассчитывал сыграть роль или, точнее, продублировать предшественника, который, на их взгляд, плохо ее исполнил.

Речь идет о роли палача.

Правда, сюда спешили и те, кто не питал столь свирепых намерений. Их интересовало только зрелище, неизменно притягательное для большинства двуногих, чьему бессознательному тщеславию льстит возможность полюбоваться на того, кто всегда высоко держал голову.

Этот Корнелис де Витт, говорят, не знает страха, но ведь его же бросили за решетку, пытали, он, поди, ослаб? Как же не поглядеть на него, бледного, в крови, униженного? Чем это не торжество для вся-

кого добропорядочного буржуа, еще более завистливого, чем просто народ? Нет, в таком празднике должен принять участие каждый добрый житель Гааги!

— И потом, — твердили подстрекатели-оранжисты, шныряя в толпе, которую они рассчитывали использовать как свое оружие, острое и тупое одновременно, — неужто на всем пути от Бюйтенхофа до городских ворот не выпадет случая влепить грязь, а то и метнуть камешек-другой в главного инспектора плотин, который предоставил принцу Оранскому штатгальтерство только «вынужденный силой» и даже хотел подослать к нему убийцу?

А самые яростные враги Франции говорили, еще подливая масла в огонь: если бы в Гааге все делалось путем и нашлись храбрецы, Корнелису де Витту никто бы не позволил отправиться в изгнание, ведь он, едва выбравшись из страны, сразу заодно с французами примется пестри интриги и вместе с этим негодяем, своим братцем Яном, заживет припеваючи на деньги маркиза де Лувуа.

Понятно, что при таком настроении зрители, предвкушающие спектакль, не идут чинно, а бегут. Вот почему жители Гааги в тот день бежали к тюрьме такой проворной рысцой.

Среди тех, кому особенно не терпелось, бежал со злобой в сердце и без определенных планов в голове честняга Тикелар, которого оранжисты превозносили на каждом углу как героя чистейшей пробы, национальную гордость и образец христианского милосердия.

Сей бравый подлец, украшая свое повествование всеми доступными ему цветами красноречия и изысками воображения, расписывал со-блазны, которыми Корнелис де Витт пытался поколебать его, Тикелара, добродетель: называл якобы предлагаемые ему суммы, описывал всяческие дьявольские махинации, посредством коих тот обещал устраниć все помехи на пути убийцы.

А публика жадно ловила каждую его фразу, издавая восторженные крики в честь принца Вильгельма и выражая слепую ярость в адрес братьев де Витт.

Толпа кляла на чем свет стоит неправедных судей, чей приговор позволяет такому гнусному злодею, как этот мерзавец Корнелис, выйти на свободу целым и невредимым.

А кое-кто из подстрекателей шипел исподтишка:

— Что ж, он так и уйдет? Так и улизнет от нас?

Другие же на это отвечали:

— В Схевенингене его поджидают судно. Французский корабль! Тикелар сам видел.

— Славный Тикелар! Честный Тикелар! — хором отзывалась толпа.